Азольский Анатолий

05.12.97

ПРАВИЛА СУДЬБЫ

Труд.–7.–1997.–5 дек.–с.4.

Автор романа «Клетка» Анатолий Азольский стал шестым русским лауреатом премии «Букер». Анатолий Азольский пишет поразительно достоверно. Читая его прозу, чувствуешь: все описанное происходило именно так. Или почти так. Ну, может, сюжет заверчен чуть покруче, чем в реальности, — так на то и литература. Но зато уж антураж, детали, фактура времени, психологические типы — прямо из жизни. Разумеется, из жизни автора.

Фото Вячеслава КРУГЛИКОВА.

И только потом спохватываешься. Да не мог же писатель одновременно партизанить в Белоруссии (как герой романа «Клетка» Иван Баринов) и служить на Северном флоте (как герои повести «Война на море»), не мог в годы послевоенного сталинского морока быть разом и преподавателем юрфака в захолустье («Облдрамтеатр»), и курсантом Высшего военно-морского училища, а затем флотским офицером («Женитьба по-балтийски») и ежедневно рискующим нелегалом («Клетка»). Судьбы заведомо разные. Даже не сверстники любимые герои Азольского: кто-то прошел Великую Отечественную, а кто-то (подобно родившемуся в 1930 году писателю) вступал во взрослую жизнь уже после Победы — в если не самую страшную, то уж, во всяком случае, самую темную и неосмысленную из советских эпох, в пору последних лет сталинского правления. К этому историческому этапу у Азольского совершенно особый счет, именно это время постоянно притягивает его внимание, описывается страстно, желчно, гневно и... с любовью, что не застит, а усиливает горечь и скорбь. То были годы взросления, духовного становления, самоосознания. Собственный жизненный опыт (Азольский — военный моряк, служил, в частности, на подводных лодках) оказывался скрепленным с опытом чужим. К концу пятидесятых Азольский решил, что он может стать писателем, то есть сможет писать правду. Эта стезя естественным образом вела его в «Новый мир» Твардовского.

Не такой уж молодой дебютант был лучшим отечественным журналом замечен. Роман «Степан Сергеевич» получил одобрение Твардовского и готовился к печати. Дошел до верстки. И был зарублен цензурой. Не один раз.

После того, как обезглавленный «Новый мир» стал обычным советским журналом, Азольский с литературного горизонта исчез. Исчез, не успев появиться. Как он жил? Что делал? Об этом по-настоящему может рассказать только сам писатель. Существенно, что Азольский не уехал из России. И не разуверился в своем писательском назначении. Он выдержал очень серьезное (унизительное для художника) испытание — испытание «заткнутым ртом».

Заговорить позволила перестройка. В 1987 году многострадальный «Степан Сергеевич» был опубликован «Новым миром». «Знамя» напечатало «морской» роман — «Затяжной выстрел». Сильного резонанса не последовало. То есть оба романа упоминали в обоймах, воздавали должное гражданскому мужеству и жизненному опыту автора, скорее похваливали («правда жизни») и как бы извинялись за многолетнюю несправедливость («задержанная литература»). Иногда дежурные (и в общем-то искренние) комплименты отдавали легкой снисходительностью. Голос Азольского был воспринят как голос из прошлого. Почтенного, но безвозвратно ушедшего.

Что определило такую реакцию критики и публики? Не ответишь однозначно, да и не в том дело. Существенно, что испытание «полууспехом», так сказать, «прохладной известностью» писатель опять-таки выдержал. Человеческое мужество и неукротимый азарт художника одолели ласково-неблагоприятные новые обстоятельства. Азольский не замолчал (то есть не признал себя живым анахронизмом) — он, оставаясь собой, стал писать по-другому: жестче, динамичней, горячей.

Не сразу. Видимо, здесь не обошлось без трудностей. На рубеже десятилетий и в начале девяностых Азольский в тени. Его прозу печатают «Континент» и «Дружба народов», но откликов почти нет. А между тем грядет взрыв — в 1996 году «Новый мир» (NN 5, 6) публикует «Клетку». Изумленный читатель получил философский роман с захватывающим и непредсказуемым авантюрным сюжетом, с настоящей тайной (герои Азольского совершают великое открытие в области генетики, но мир о нем никогда не узнает), с погонями и преступлениями, с НКВД, «лесными братьями», гестапо, уголовниками, с провокациями, подпольным бытием, борьбой за выживание и неодолимой страстью к познанию. Это роман еще и о «волчьем» одиночестве и всевластной любви. Конечно, опытный писатель и без Букеровского жюри знал: теперь он одержал победу. И тут последовал еще один вираж, формально неожиданный, а сущностно неотделимый от головокружительной, отменяющей все «правила» судьбы Азольского. Вместо того чтобы благодушно ждать лаврового венка, автор «Клетки» выпускает одну за другой три великолепные повести: обжигающе страшную «Войну на море» («Знамя», 1996, N 9), преобразующую солоноватый офицерский анекдот в высокую легенду о любви — «Женитьбу по-балтийски» («Дружба народов», 1997, N 2), по-детективному закрученную притчу о бандитской сути тоталитарного государства («Облдрамтеатр» — «Новый мир», 1997, N 11). Редкий молодой писатель работает сейчас так азартно, так увлеченно и так поразному. Словно и не было долгих лет вынужденной немоты и нераслышанности. К счастью, не только говорить можно, но и есть что сказать.

Букеровская премия — это прекрасно. И проектируемый по «Клетке» фильм — тоже хорошо. Но всего для писателя важнее контакт с читателем. Хочется верить, что сегодняшний заслуженный успех яркого, умного, свободного и увлекательно пишущего прозаика станет знаком для издателей, что мы сможем купить его книги. И просто верится, что журналы принесут нам новую прозу Анатолия Азольского.

Андрей НЕМЗЕР.